

Этнокультурный потенциал вепсской топонимии¹

Использование топонимии в качестве источника исследования этнокультурных процессов связано со значительной устойчивостью топонимов во времени, а также хронологической и географической приуроченностью топонимных моделей.

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН является основным центром исследования вепсской топонимии. Ее полевой сбор ведется, начиная с конца 1970-х годов, по специальной программе, разработанной в Институте и предполагающей максимально полный охват материала. Топонимия записывается, как правило, на магнитофон, в последние 10–15 лет используются топографические карты. Собранные в полевых условиях географические названия после расшифровки и расписывания оседают в Научной картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей Института. В последние три года ведутся работы по созданию электронной базы данных топонимии Карелии. Общий объем рукописной картотеки вепсских топонимов – более 5 тыс. названий (соответственно около 15 тыс. топонимических карточек), которые собраны со всей территории вепсского расселения. Кроме этого, вепсскую картотеку дополняет и тесно с ней связано собрание топонимов с территории, смежной с ареалом современного вепсского расселения. Она включает поселения, о вепском прошлом которых доподлинно известно по данным исторических, краеведческих, статистических источников (например, Varbl, Mul'jeil, Rusttal, бывшие вепскими во время их посещения Элиасом Лённротом), а также деревни, вепсский генезис которых не подтвержден докумен-

тально, но облик субстратной топонимии не оставляет сомнений в их вепском прошлом. Таковы, например, многочисленные поселения в бассейне реки Кемы в Вологодской области. В общей сложности это около трех-четырёх тысяч русских по употреблению, но вепских по происхождению названий.

Помимо полевых материалов картотека включает относительно небольшой фонд архивных материалов, извлеченных из Национального архива Республики Карелия (Петрозаводск), Государственного архива Ленинградской области (Выборг), Центрального государственного архива древних актов (Москва). Наиболее интересны фонды, в которых отложились документы по землеустройству XIX – XX веков.

Собранный материал послужил основой для нескольких исследований, в которых как анализировалась сама вепская система именования географических объектов, так и предлагались выводы этноисторического содержания об истории, языке и культуре вепсов.² Наиболее очевидные результаты получены в реконструкции утраченных вепскими говорами лексем, сохранившихся, однако, в качестве топонимических реликтов в географических названиях (всего восстановлено более 20 бывших вепских слов). Среди них исконная лексема *kond, для которой возможно реконструировать с учетом данных родственных прибалтийско-финских языков, а также топонимических свидетельств значение «крестьянский двор с прилегающим участком земли». При том, что слово полностью утрачено вепским языком, примеры его топонимического бытования зафиксированы на всей вепской территории, а также в местах бывшего вепского расселения. Термин бытует в названиях земельных угодий, непосредственно примыкающих к поселениям, а также как наименование населенного места. Укажем в ка-

честве примера южновепские *Kondud* – поля у дер. Боброзеро, угодья с названием *Kond* на краю деревень Петрово (вепс. *Bušak*) и Остров (вепс. *Sań*), поле *Ondrejankond* (дер. Лахта), а также деревня *Kond*, входящая в состав села Сидорово (вепс. *Sod'järv*). Топонимы этой группы ценны тем, что позволяют не только восстановить забытый термин, но и реконструировать некоторые элементы утраченной системы расселения. Почему термин вышел из употребления? Видимо, свою роль сыграло внедрение в вепское употребление русского слова *деревня*, которое первоначально означало крестьянский двор с прилегающим к хозяйству участком земли, т.е. являлось семантическим эквивалентом вепского *kond. Впрочем, определяющее значение для усвоения русского термина (вепс. *derevń, deřouń, deřuuń, deřõń*) имело все же, видимо, то, что он широко представлен на официальном уровне, присутствуя уже в самых ранних документах по вепской территории, что, безусловно, способствовало его повсеместному распространению среди вепсов.

Потенциал топонимии как источника языковой реконструкции далеко не исчерпан. Интерес вызывает в этом контексте вепская топооснова *jalo-* (ср. современное вепское *jalo* ‘быстрый, бойкий’, *jalos* ‘очень, сильно’), которая представлена в ряде топонимов: гора *Jalomägi* у капшинских вепсов, река *Jaložm* (рус. Явосьма) в бассейне Паши, ручей *D'alaid'ogi* (рус. Елайручей) в бассейне верхней Свири, руч. *Ялега* на южном берегу Онежского озера, залив *Ялгуба* в окрестностях Петрозаводска, *Ялойское болото* на реке Кеме. Не исключено, что в топонимии отразилось более раннее значение лексемы – ‘большой’, известное, кстати, в других прибалтийско-финских языках.³

Топонимы могут быть использованы и для решения некоторых задач в области исторической фонетики, ибо, переходя из вепского употребления в русское, они способны сохранять в последнем черты исторического фонетического

облика, изжитого в вепском. В частности, практически нигде в топонимии бывшей вепской, ныне обрусевшей территории не закрепился дифтонг -ou-, развившийся из более раннего -au-, за которым, в свою очередь, в ряде случаев стоит изначальное -al- (jalg > jaug > joug). Здесь стабильно представлено более раннее звучание -al-/-au- (*Салмозеро, Гавдозеро, Гавгозеро, Тальгинский ручей*). Это относится и к собственно вепской территории, на которой были собраны сохранившиеся архивные материалы конца XIX – начала XX века, ср. в 1876 г. из Каргиничей (Karhil): *Савигалмесо* (*Savihalmeso), *Канзагауме* (*Kanzahaumeh), *Савигауды* (*Savihaudad). При этом записи из Каргиничей середины 1960-х годов однозначно свидетельствуют о том, что там к этому времени произошел переход -au- > -ou-.⁴ Этот и подобные примеры свидетельствуют о хронологически позднем характере вышеназванного звукоперехода.

Второе направление, для которого использование топонимии оказалось не менее перспективным, – это формирование вепской этнической территории на протяжении столетий и ее изменения, происходившие, прежде всего, в результате обрусения вепских поселений вдоль основных водных путей.

Обрусение части вепской территории привело к тому, что прервались традиционные связи между вепскими центрами. Топонимическое обследование позволяет реконструировать ту этноязыковую ситуацию, что была в историческом прошлом. В 2001 г. наша экспедиция работала в верховьях реки Суды, протекающей на востоке Вологодской области и относящейся к бассейну верхней Волги. Река Су-да образуется слиянием двух рек – Ножемы и Колошмы. При их слиянии располагается территория двух современных сельсоветов – Верхнеконного (вдоль Колошмы) и Кийнского (вдоль Ножемы и Суды), представляющая собой

протянувшуюся более чем на 25 км цепь небольших деревень.

Здесьнее население является русским, а ближайшие вепские села находятся в 30 км к северу (Пякозеро и Шимозеро) и примерно в таком же расстоянии к западу (Саньков Бор, Красный Бор) от верховий Суды.

Вепское прошлое этой ныне русской территории хорошо подтверждается топонимическим материалом. Вепские наименования присущи многим наиболее важным, крупным, существенным с точки зрения хозяйственного использования географическим объектам. Так, обширное угодье при слиянии рек Колошмы и Ножемы, на мысу, где прежде стояла церковь, носит название *Нем*, имеющее явные вепские корни: веп. пет 'мыс, полуостров'. В свою очередь, название хутора *Чурой* указывает на ручей, при котором

поселение находилось: вепс. *Šur/oja* ‘песчаный ручей’, поле *Совери* располагается по краю *Соверского болота* (вепс. *sover’* ‘край болота’). Вепские истоки имеют и некоторые ойконимы, т.е. наименования поселений. Среди них – содержащие в основе вепское личное имя или прозвище *Керчаково*, известное в вепском варианте *Hörčak* (вепс. *hörčak* ‘сильный, здоровый человек’), *Янишево* (вепс. *janiš* ‘заяц’), *Кябелево* (вепс. *käbäl* ‘лапа, нога’) и др. Вепское прошлое ряда деревень данной местности подтверждается и письменными свидетельствами. Так, в начале XX в. вепсы, проживавшие в верховьях реки Капши, рассказывали финскому лингвисту Э.Н.Селяля, что в деревнях по Колошме проживает вепское население, и перечисляли вепские наименования некоторых из этих деревень.⁵ А в середине 1960-х годов в деревне Керчаково удалось записать образец вепской речи от одного из последних носителей вепского языка этого ареала.⁶ Большинство наших информаторов старшего поколения из Нижнеконного сельсовета, а также из куста поселений Ножема рассказывали, что их родители в довоенное время еще говорили по-вепски («по-чухарски»). Однако на вопрос об их собственной национальной принадлежности они предпочитали отвечать, что являются русскими.

Насколько позволяет судить топонимический материал, толщина вепского пласта в топонимии низовий Колошмы и Ножемы колеблется. Если в Верхнеконном сельсовете, особенно в самых верхних по течению реки деревнях, а также в кусте поселений Ножема вепские названия составляют костяк топонимии, при этом в некоторых названиях даже сохраняются вепские особенности в произношении (ср. *Хейтожня* в Янишеве или *Хамаяшка* в Верхнем Конце, в которых начальный вепских ‘h’ еще не полностью ассимилировался русским языком фонетически и не приобрел огласовку ‘г’, характерную для Белозерья), то в деревнях,

расположенных между этими двумя полюсами, вепсский пласт в топонимии значительно более размыт. Наиболее русским по топонимии является куст поселений Нижний Конец, располагающийся ниже слияния рек Колошмы и Ножемы, при верховьях Суды. Такая ситуация во многом обусловлена связями с соседними поселенческими центрами. Так, жители Верхнего Конца до сих пор сохраняют брачные и родственные связи с жителями деревень Саньков Бор и Красный Бор (Ленинградская обл.) расположенных в 25 км к западу от них. Последние стоят в верховьях реки Лидь и являются южновепскими с точки зрения языковой характеристики. До недавнего времени существовали и праздничные связи. Показательно, что 25-километровый путь до южновепских деревень не был в прошлом столь пустынен, как сейчас. Множество мест вдоль этой дороги (сенокосные угодья, бывшие хутора, лесные угодья, болота, броды на реке и т.д.) имеют свои названия, что свидетельствует об активном их использовании: *Саинские пожни*, с которых брали глину (*savi* 'глина'), лесное урочище *Парча* (*paržcom* 'строевой лес'), покос *Пуммельга* (< *Pit'ksel'g 'длинная сельга'), гора *Ясерья*, в котором в качестве второго элемента реконструируется вепс. *sürj 'возвышенность, гора', покос *Сарожка* на одноименном ручье (*sara 'небольшая река') и др. Аналогичная ситуация в Ножеме, которая очень прочно связана с вепским Пяозером – как брачными и праздничными связями, так и общими топонимными моделями. Так что лучшая сохранность вепского пласта в языке и культуре Верхнего Конца и Ножемы, видимо, в значительной степени определялась связями со смежными вепскими центрами. Точно так же более четкий русский облик Нижнего Конца вызван не в последнюю очередь связями с русскими поселениями Суды, расположенными вниз по течению от Нижнего Конца.

В низовьях Колошмы и Ножемы существовала, таким образом, интересная ситуация: в то время как западный край этой протянувшейся на два с лишним десятка километров цепи поселений был связан с южными вепсами, ее северо-восточный конец напрямую контактировал с пязозерскими вепсами, носителями среднего диалекта. Можно с достаточной долей уверенности полагать, что именно здесь проходил тот коридор, через который некоторые характерные южновепские элементы проникли в говор Пязозера, а через него и в Шимозеро. Это объясняет наличие целого ряда сходжений говоров Шимозера и особенно Пязозера с южновепским диалектом верховий реки Лидь. К примеру, последнее в области вепсской грамматики исследование Н.Г.Зайцевой «Вепсский глагол» выявило интересную закономерность: по целому ряду глагольных показателей Шимозеро и особенно Пязозеро смыкаются с южновепским диалектом.⁷

Связь Суды с более западными территориями просматривается и в том, что здесь, в верховье Суды, согласно нашему обследованию, проходит граница этнонимов *кайбаны* и *чухари*, служащих для обозначения вепсов. Этноним *кайбаны* используется широко на территории Белозерья, в то время как *чухари* практически неизвестен. На обследуемой территории (Верхнеконный и Кийнский сельсоветы) господствует этноним *чухари*, а *кайбаны* выступает в качестве синонима к *чухарям* лишь в деревнях Нижнего Конца. Очевидно, этноним *кайбаны* распространился сюда вверх по Суде, в то время как *чухари* объединяет этот регион с более западными территориями по рекам Лиди и Колпи, где этот этноним используется по отношению к вепсскому населению.

Достаточно хорошо «топонимически» проработана и водная дорога вверх по Колошме к ее истокам из Маткозера, что может говорить в пользу связей населения этого

района с приоятскими вепсами. При этом есть основания полагать, что эти связи имеют глубокую историю. Исторически Оять, а также Шимозеро и Пяозеро с окрестностями, с одной стороны, и Суда с Колошмой и Ножемой, с другой, входили в разные административные подразделения. В XV в., после присоединения новгородских земель к Москве, Пяозеро и Шимозеро с окрестностями располагались на юго-восточной окраине Заонежской пятины, в то время как Суда принадлежала административно к белозерским землям (Бежецкая пятина). При этом, судя по данным писцовых книг Обонежской пятины 1496 г. Пяозеро, входившее в состав Оштинского погоста, представляло собой обширный куст поселений из 12 одно- и двухдворных деревень. Еще более разросшимся гнездом поселений представлено соседнее Шимозеро. Населены и другие окрестные вепские пункты: Линхозеро, Торосозеро, Кленозеро, Нажмозеро.

Совсем иначе выглядит ситуация за юго-восточными пределами Обонежской пятины, на землях Белозерского края. Судя по карте землевладения Белозерского края конца XV в.,⁸ Суда с ее притоками была далекой малоосвоенной окраиной Белозерья. На реке отмечено только два погоста: Колошемский (на реке Колошме) и Чужбой (на месте современного села Борисово-Судское). При этом оба располагаются в верхнем течении реки, что необычно, если исходить из традиционного для заселения территории продвижения освоения с низовьев, но естественно, если предположить, что верховья Суды, точнее, ее верхние притоки Колошма и Ножема заселялись с северо-запада, с территории Заонежских погостов. Топонимия подтверждает данное предположение и показывает явную связь Верхней Суды с верховьями реки Оять, которая является рекой Ладожского бассейна и населена носителями средневепского диалекта, представленного и в Вологодской области.

Топонимическим подтверждением связи с Оятью служит название озера *Маткозеро*, из которого вытекает река Колошма. Оно восходит к вепсскому слову *matk* ‘путь, дорога’, которое традиционно использовалось в прибалтийско-финской топонимии для называния водораздельных озер, через которые проходил путь из одной водной системы в другую. Собственно, в топониме закрепилось древнее значение слова, которое первоначально означало не любую дорогу, а волок, т.е. сухопутный участок водно-волоковой дороги, перешеек между водными участками пути.⁹ Озеро Маткозеро отделяется от бассейна Ояти как раз таким 300-метровым перешейком. При этом информантам известно, что когда озеро весной переполняется, вода может вытекать не только в Колошму, но и в обратную сторону – в Оять. Логично предполагать, что именно через этот коридор осуществлялась связь между вепсами Ояти и бассейна Колошмы, и именно с Ояти могло произойти заселение Колошмы. Видимо, связь с Оятью поддерживалась на протяжении длительного времени. Характерно, что в семье одного из наших информантов из Колошемского погоста сохранилось предание о том, что его прадед был вепсом из Ладвы – села, расположенного в верховьях реки Ояти. Добавим, что описанным водно-волоковым путем и сейчас пользуются местные рыбаки и охотники.

Подводя итог, подчеркнем еще раз, что бывшие вепские деревни в верховьях Суды были, вероятно, далекой южной окраиной былой вепсской территории. Они сформировались, очевидно, в ходе проникновения вепсского заселения за пределы рек Ладожского бассейна. Суда испытывала, с одной стороны, воздействие южных вепсов, с другой – Белозерских и оятских и служила своеобразным посредником между ними.

Если верховья Суды были вепсской территорией еще лет пятьдесят назад, то побережья реки Кемы, одного из глав-

ных северных притоков Белого озера, стали русскими значительно раньше. Элиасу Лённроту, пробиравшемуся в 1842 г. по Архангельскому тракту, удалось зафиксировать остатки вепсского населения в т.н. Исаевской волости – группе деревень, расположенных при одном из восточных притоков реки Кемы, у самой границы тогдашних Вытегорского и Каргопольского уездов Олонецкой губернии.

К тому времени соседние деревни по Кеме были уже русскими, и, пытаясь объяснить свою «инаковость», жители Исаева предполагали, что они не являются коренными жителями этих мест, а были перевезены откуда-то – как крепостные – местным помещиком. В действительности же дело было, видимо, в другом: располагаясь в отдалении от главной местной водной магистрали – реки Кемы, служившей проводником русского воздействия, Исаевская волость дольше, чем прибрежные села, сохранялась вепсской. Ме-

жду тем, есть ряд обстоятельств, позволяющих реконструировать вепское прошлое и для последних. Например, не стоит проходить мимо того примечательного факта, что в ряде деревень соседней с Исаевом волости Черная Слобода во времена Лённрота и посетившего эти места позднее, в 1887 г., Х.Базилиера бытовали вепские названия,¹⁰ которые должны рассматриваться как свидетельство вепского прошлого Черной Слободы. Размещаясь непосредственно на речном побережье, да еще и на сухопутном тракте из Вытегры в Каргополь, поселение, которое к тому же было местом помещичьей усадьбы, подверглось более раннему и сильному обрусению.

Современное население Исаева уже не идентифицирует себя с вепсами, как и жители соседних поселений. Единственное, помимо топонимии, что указывает на вепское прошлое – это этноним *кайбаны*, которым называют исаевцев. Впрочем, значение этнонима уже утрачено. На вопрос, почему жителей Исаева называют кайбанами, мы получали самые неожиданные ответы: потому что валенки катали, потому что драчуны были.

Экспедиционное обследование конца 1990-х – начала 2000-х годов показало, что толщина вепского слоя в топонимии Кемы увеличивается по мере продвижения с низовьев реки, т.е. с северного побережья Белого озера, к верховьям и в сторону от речного побережья. Топонимия позволяет реконструировать целый ряд здешних центров, дольше других в этом районе остававшихся вепскими (села Индоман, Ярбозеро, Корбозеро, Кемозеро). У них, к сожалению, не оказалось своего Лённрота, успевшего зафиксировать в них «чудь». Вепские истоки не сохранились и в памяти населения, что, в общем-то, неудивительно. Достаточно вспомнить, как за последние полстолетия сменился с вепского на русский идентитет жителей верховий Суды. В качестве примера приведем здесь некоторые топонимы с

вепскими истоками из окрестностей села Индоман Вашкинского района Вологодской области, расположенного при впадении реки Индоманки в Кему. Среди них не только устойчивые во времени гидронимы, но и микропонимы, жизнь которых обычно менее продолжительна: руч. *Мягручей* (вепс. mägi ‘гора’), текущий с горы *Кукосельга* < *Kukoisel’g (здесь kukoi выступал, скорее не в значении ‘петух’, а как географический термин kuk- ‘холм, гора’); руч. *Лепручей* (вепс. ler ‘ольха’); сельскохозяйственное угодье *Едлегома*, в котором второй элемент -гома восходит к вепс. hoim ‘подсека’; урочище с глинистыми почвами *Саесельга* < *Savisel’g ‘глинистая сельга’, урочище *Пихково* (вепс. pihk ‘густое мелколесье; молодой ельник’), которое делилось на отдельные участки: *Мишин Лепак*, *Ванин Лепак* и др. (местное говорное слово лепак ‘кусок’ сопоставимо с вепс. šlipak ‘лоскут, кусок’); непросыхающая лужа в низине *Уйты* (вепс. uit ‘большая непересыхающая лужа’); *Костручей*, впадающий в реку Индоманку у Косинского порога, что позволяет реконструировать в основе *kosk ‘порог’; покос *Пурдога* (вепс. purdeg ‘родник’); небольшой залив на реке Кеме между островом и берегом *Уйга* (вепс. uig ‘закоулок’) и некоторые другие.

Анализ топонимии территории Онежско-Белозерского водораздела убеждает в том, что на ней представлены разные стадии перехода из вепсского языкового состояния в русское. В самых глухих углах территории сохранились последние вепские деревни – Păžar’, Šimgär’, Pondal; Voilaht и некоторые другие. В притяжении дорог расположились поселения, о вепском прошлом которых доподлинно известно: Särgär’, Kuštar’, Und’är’ и др. К ним примыкает целый ряд поселений с мощным вепским субстратом в топонимии, позволяющим реконструировать их вепское прошлое. Побережья более крупных рек, прежде всего Кемы и Волго-Балтийского канала, представлены русскими поселениями с

относительно слабым вепским субстратом в топонимии. Речные побережья были проводниками русского воздействия, которое распространялось от устьев рек к их истокам. В устье Кемы, непосредственно на северном побережье Белого озера, вепский пласт топонимов практически неуловим, хотя ряд гидронимов, а также наименования здешних волостей имеют бесспорные прибалтийско-финские истоки: название волости *Киуй*, упоминаемой уже в ранних письменных памятниках, восходит к *Кивуй < *Kivoja 'каменный ручей', в имени не менее известной по историческим источникам волости *Киснема* второй элемент -нема сопоставим с вепс. *nem* 'мыс'. Единичные топонимы с вепскими истоками разбросаны по удаленным от побережья Белого озера и реки Кемы местам, тяготеющим к лесным тропам и водоразделам. Такое распределение указывает на большую продуктивность вепской топонимии в прошлом.

Анализ распределения топонимов с вепскими истоками в бассейне Кемы говорит, далее, о том, что хотя некой абсолютной, резкой границы в ареальной привязке вепских топонимов от истока реки до ее устья нет, все же граница двух современных районов Вологодской области – Вытегорского и Вашкинского, проходящая в среднем течении Кемы и делящая ее на северную и южную, является определенным рубежом. Современная административная граница имеет на самом деле глубокие исторические корни. Именно к ней оказались привязанными некоторые исторические предания, относящиеся к событиям XVII века. Среди них легенды о зарытых кладах под *Парамоновским камнем* в урочище *Парамониха*, под камнем на *Часоветной горе*, в урочище *Кокушка* (все в Павшозерской волости), а также под *Ганиной сосной* в дер. Чаготма. Здесь же рассказывают о сгоревших при польском, или панском, разорении деревнях. В 7 км от села Индоман вверх по реке известно урочище *Осиновый мыс*, получившее свое название в связи с тем, что

здесь якобы местные мужики подпилили осины и завалили ими пловших на плотках панов. Жителей Корбозера – последней при продвижении на юг вытегорской деревни – местная традиция называет шведами, а урочище при впадении реки Корбы из Корбозера в Кему – *Шведскими Могилами*. Шведы, как и польские паны, – персонажи из российской истории начала XVII века, и тот факт, что легенды бытуют на узком, строго ограниченном участке в среднем течении Кемы и неизвестны за его пределами, свидетельствуют об исторической значимости данного участка. Он показателен и для топонимии, ибо к югу от этой границы заметно утоньшается вепсский пласт в топонимии, меняется и характер интеграции вепсских топонимов в русскую систему наименований. Здесь обнаруживаются лишь единицы сложных по структуре полукалек, в то время как севернее, в Вытегорском районе, удельный вес топонимов этой модели, явившейся результатом калькирования вепсских оригиналов (*Маткозеро* < *Matkjärv, *Лепручей* < *Leroja), достаточно высок. Известно, что полукальки возникают в условиях двуязычия, с последующим постепенным обрусением местного прибалтийско-финского населения. Видимо, таковым был механизм вепско-русского контактирования на северном участке Кемы. На южном же происходило, очевидно, более массовое собственно русское заселение. На это указывают косвенным образом и топонимы, явившиеся результатом прямого русского освоения: *Киуй* (а не *Кивручей), *Киснема*, *Риднема*, оз. *Пуштор* (< *Puštar < *Puštjärv) и др.

Завершая сюжет о вепском наследии на реке Кеме, стоит также отметить, что на вепском фоне обращают на себя внимание некоторые топонимные факты, объясняющиеся, скорее, на карельской, чем на вепсской почве. Особенно примечательна в этом смысле топонимия бывшей деревни Хяркя, располагавшейся в верхнем течении реки Индоманка, на границе Вологодской и Архангельской областей.

Здесь, в частности, фиксируется географическая терминология, отсутствующая в вепском языке (ламба 'лесное озеро', ср. карел. *lambi*, тайбола 'глухая лесная местность', ср. карел. *taipale*), настораживает и невепский облик самого ойконима *Хяркя* с глухой согласной внутри слова, а также сохранение в нем в ходе русского освоения начального 'х'. Вепский оригинал преобразовался бы, скорее, в *Гяргя, *Гярга. Примечательно также присутствие в окрестностях Хярки озера под названием *Корельское*, из которого вытекает река *Корелка*. Концентрация здесь карельских особенностей заставляет внимательнее отнестись к упоминанию финского исследователя Х.Базилиера от 1890 г. о том, что жители Исаевской волости (соседней с Хяркя, располагающейся в 5 км от нее на запад), сохранявшей еще в конце прошлого века вепский язык, называли свой язык корельским. Не есть ли это след некой 'карело-вепской' контаминации двух смежных сел? Видимо, при реконструкции событий этнической истории Онежско-Белозерского водораздела следует учитывать и карельское наследие, очевидно, относящееся к XVII веку. Его присутствие подтверждается серией топонимов с этнонимической основой корел-, среди которых дер. *Корельских Выходцев* в бывшей Општинской волости и урочище *Под Корелами* в Плосконивской волости Вытегорского района и др.

В заключение еще один сюжет, связанный со сложностью интерпретации топонимов и неоднозначностью ее результатов. На Онежско-Белозерском водоразделе сложились некоторые свои топонимные модели, непродуктивные на смежных вепских территориях. Яркий пример – названия озер с основой *rauš-/rouš-*, палш-/павш-/повш-: *Poušjärvi*, *Павшезеро*, *Палшезеро*, *Палшемское*, *Повшезеро*, которую заманчиво связывать с прибалтийско-финским словом *palsi* 'край, бок, сторона'. Основанием для такой связи является то, что все без исключения озера этой группы располагают-

ся в непосредственной близости к руслу реки, с которым соединяются ручьем, т.е. находятся сбоку, с краю от реки. Однако какой конкретно прибалтийско-финский языковой источник породил топооснову? Слово отсутствует в вепсском языке и топонимии в ареале вепсского расселения. Вепсскому генезису противоречит и наличие глухого шипящего -š- в позиции перед -i, в вепсском основа должна была бы иметь вид *palz > *pauz > *rouz. В контексте отмеченных выше карельских следов заманчиво было бы искать карельские истоки модели, тем более, что как раз карельскому языку слово palsi известно, да и присутствие š в позиции перед -i закономерно для собственно карельских говоров. Однако здесь возникает другая проблема: топонимы данного гнезда отмечены уже в ранних письменных источниках, в то время как появление в северном Белозерье относительно устойчивой группы карелов, теоретически имевшей возможность к созданию собственной топонимии, вряд ли могло произойти ранее XVII в. Стоит иметь в виду и то, что карельское наследие просматривается здесь в микротопонимии, названия же относительно больших озер появились уже до прихода карел.

Слово palsi, судя по этимологическим данным, присутствует из всех прибалтийско-финских языков только в финском и карельском и является в них германским заимствованием.¹¹ В контексте вышесказанного перед нами, возможно, топонимная основа, которая на самом деле лишь внешне совпала с финско-карельской лексемой. Не исключено, что ее генезис должен рассматриваться в одном ряду с субстратными довепскими топонимами финно-угорского типа, присутствующими в Белозерье. Определенный интерес здесь вызывает имеющая финно-угорские истоки лексема *rieli* с производным *rielus* и финно-угорскими соответствиями *boel'ŋje* (саам.), *räläš* (марийск.) и др., с семантикой 'бок, край' и специфической для Белозерья огласовкой

гласных, т.е. появлением *a* на месте финно-угорского *e, известного здесь по ряду субстратных примеров.¹² Такой подход позволяет несколько расширить как ареал модели, так и список субстратных топонимов, включив в него, с одной стороны, реку и озеро *Палежма* в бассейне Свири, с другой – реку *Польшима* и озеро *Польшемское* на южном берегу озера Воже, являющиеся боковыми по отношению к устью основного южного притока – реки Модлоны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена по проекту «Топонимический атлас Карелии», выполняемому по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² Муллонен И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002.

³ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 1–3. SKST 556, Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu 55. Helsinki 1990 – 2000.

⁴ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепсской речи. Л.: Наука, 1969.

⁵ Tunkelo E.A. Vepsän kielen äännehistoria. SKST 228. Helsinki, 1946. С. 8–9.

⁶ Зайцева, Муллонен 1969.

⁷ Зайцева Н.Г. Вепсский глагол. Петрозаводск: Периодика, 2001.

⁸ Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

⁹ Suomen sanojen alkuperä.

¹⁰ Basilier Hj. Vepsäläiset Isajevan voolostissa // SUSA VIII 61. Helsinki, 1890. S. 43–84.

¹¹ Suomen sanojen alkuperä.

¹² Saarikivi Janne. Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Tartu University Press, 2006. С. 25.